

военачальник Фракии, глядя на мужчин, наступающих и отступающих во время, битвы, вспомнил детскую игру ампру⁸⁰. {578}

Другой детской игрой, имитирующей военные столкновения, был петрополемос. Игра проходила обычно за городскими стенами и после окончания сражения победители триумфально вступали в город. Две группы играющих разделялись рвом и метали друг в друга — руками или пращой — камни. Игра была довольно опасной и кончалась нередко травмами или даже смертельным исходом. Дука Крита в 1369 г. запретил эту игру и ввел в случае непослушания следующие кары: мальчиков, достигших 13-летнего возраста, наказывали розгами и штрафом в 5 иперпиров, а детей младшего возраста подвергали порке; штраф для зачинщиков игры возрастал до 10 иперпиров⁸¹.

Наряду с военными играми мальчишки любили и более мирные, но не совсем безобидные развлечения (например, искать птичьи гнезда в углублениях городских стен) (*Greg. I. P. 192.2—3*). Мужчины не пренебрегали порой и «детскими» развлечениями: в «бабки» играли как дети, так и взрослые⁸².

Однако не только военные и спортивные игры интересовали мужчин. Среди увлечений знати в источниках упоминается садоводство. Патриарх Нифон «умел искусно растить деревья, ухаживать за виноградниками, производить постройки» (*Ibid. I. P. 260.3—5*). При императорском дворе поощрялись занятия науками и литературой. В кругах знати считалось признаком хорошего тона иметь свой интеллектуальный кружок, где читались вслух и обсуждались сочинения писателей древности или опыты современников, близких к этому кругу. Многие из образованных людей предоставляли свой дом для подобных сборищ, именуемых современниками «театрами». Чтение риторических сочинений иногда сопровождалось музыкой и пением (*Cydon. Corresp. S. 169.51; 210.8; 400.8; 262.82—83*), эмоциональной жестикуляцией⁸³. «Театры» часто становились местом, где разгорались бурные дискуссии по философии, риторике, астрономии. Страсти порой накалялись до такой степени, что зрители либо «скакали от удовольствия», либо, наоборот, чуть ли не камни кидали в неугодных ораторов (*Mazar. Cap. 18; Cydon. Corresp. 78.20; 326.17—19; 376.29—32*). Напротив, удачные выступления вызывали бурные рукоплескания и прочие проявления шумного восторга. В поздней Византии очень ценилась книга. Многие императоры (*Cydon. Apol. I. P. 364.49—51*) и знатные библиофилы скупали ценные манускрипты, собирая большие библиотеки⁸⁴.

Однако и склонность к празднествам, связанным с обильным застольем, веселым разгулом, ночными похождениями и азартными играми, была в высшей степени характерна для поздневизантийской знати и зажиточных горожан. Димитрий Кидонис противопоставлял спорящих о Сократе тем, для кого привычным делом были игра в кости и выпивка (*Cydon. Corresp. 380.40—42*). Поведение пьяницы описано в произведении народной литературы XIV в. «Плodosлове». Напившись вина, мужчины «захмелеют и не будут ведать, что они делают; и будут они болтать несвязные {579} слова всяческую несурязицу... и будут они шататься, опираясь о стены, от одного хлева до другого; и валяться будут они, как осел валяется на траве и, падая, заголяет себе зад. На улицах будут они дрыхнуть, в грязи гваздаться, свиньи будут их обнюхивать, и кошки облизывать. И борода у них вылезут, и куры будут их клевать, они же и не почуют...» (Памятники. IX—XIV вв. С. 410).

Поздневизантийские авторы писали о публичных домах с флейтистками и танцовщицами, о любителях женских спален и мальчиков (*Greg. I. P. 447.8—10; Pachym. Hist. I. P. 15—16; 487.13—14*). Часто в вечернее время можно было видеть молодых людей, разгоряченных вином, разъезжающих «на горячих конях и наполняющих топотом непристойных скачек улицы, площади, театры» (*Greg. I. P. 183.16—17*). Огласить улицы неприличной громкой песней было привычным для константинопольской молодежи, порой и из состоятельных семей. Персонаж поздневизантийской сатиры «Мазарис» — обученный отцом искусству пения сын придворного музыканта, вместо того чтобы исполнить что-нибудь при дворе или в церкви, «гор-

⁸⁰ *Koukoulès Ph. Op. cit. T. I, pt 1. P. 180.*

⁸¹ *Ibid.*

⁸² *Ibid. P. 169.*

⁸³ *Verpeaux J. Nicéphore Choumnos. Homme d'État et humaniste byzantin (ca. 1250/1255—1327). P., 1959. P. 67.*

⁸⁴ *Ševčenko I. Society and intellectual life in the XIVth century // XIVe Congrès international des études byzantines. Rapports I. Bucarest, 1971. P. 28—29.*